

Хайтаева Евдокия Ивановна
Сергеев-Оренбургский Сергей Иванович

Архивный № 56
1
Фонд № Р-7627
Описание № 1
Сумской области
Государственный архив

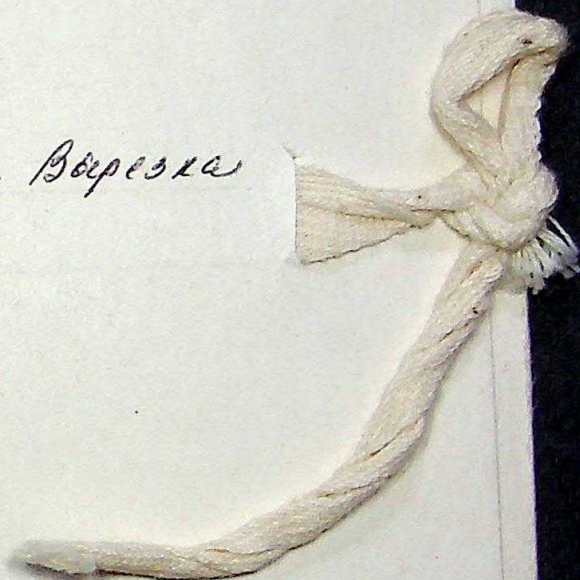
საქაღალდე

ПАПКА

ДЛЯ

БУМАГ

"Роман жизни моей." Автобиографическая повесть. Вырезка
из газеты "Русский голос".

Сумской области
Государственный архив

Фонд № Р-7627

Описание № 1

56

17 марта 1929 года

На 1-е.

190к-ш

Роман жизни моей

(В БРАТКОМ ИЗЛОЖЕНИИ).

С. Гусев — Оренбургский

П О ПРОИСХОЖДЕНИЮ я «вольный казак» оренбургского войска. Родился в Сентябре 1867 года. С детства жил одиноко, в своем особом фантастическом мире. Учился в гимназии да из четвертого класса вылетел «за бунт». Бродил долго по стенам, по лесам приуральным, по киргизским аулам. Зачитывался в то-же время Майн-Ридом и мечтал об Америке: о диких мустангах и стадах бизонов. Совсем был близок к тому, чтобы бежать в Америку... да вместо того попал в Семинарию. В Семинарии-же зачитывался я, благодаря «тайным кружкам», и народнической литературой того времени, спал с Глебом Успенским под подушкой. А результат: пошел в учителя. И так я хорошо почувствовал себя среди народа, что решил: священником еще ближе к душе его подойду.

Однако крест поповский оказался не по плечу «вольному казаку». Подневольная жизнь на одном месте, выполнение нелепых каких-то ритуалов и предписаний начальства, душевная борьба с тем, о чем раньше не думалось: с закостенелым мировоззрением ушедших веков... а главное — страстная тоска по граням земным и осознание себя вовсе не попом, а только мечтателем, — все это привело к кризису. При всем этом еще и жандармы принохиваться начали, так-как со времен учительства и не выясненной властями связи моей с казанской студенческой «историей» — (тайно печатал на гектографе запрещенную литературу в палатке над Уралом), — был я под негласным надзором. Не выдержав я и четырех лет, уехал в отпуск и прислал из отпуска заявление о выходе в заштат. Год как безумный метался по России из конца в конец на дикой воле. Но пришлось вернуться. Прослужил еще год в глухом приходе. Ушел совсем.

Уехал в Петербург.

Так в тридцать лет я начал новый период жизни: стал писателем.

Еще до этого я уже печатался в разных провинциальных изданиях. В начале 1894-го года появился мой первый рассказ «Слепой» в «Оренбургском Листке»: тридцать пять лет назад. За второй рассказ «Бабий бунт» номер «Листка» был конфискован и с редактором чуть не случился удар от такого небывалого случая. Потом много сотрудничал я в «Сибирской Жизни» (посылал туда рассказы, не пропущенные столичной цензурой), а также в поволжских изданиях. В Петербурге начал сотрудничать в «Жизни», где тогда впервые стал выступать Горький, и в «Журнале для всех». Впоследствии, я уже и не помню, в каких только журналах и изданиях не печатался. В 1903-м году вышел в издании К—ва «Знание» первый том моих рассказов а через два года я написал напугавшую «Страну отцов», как-бы предсказавшую революцию: роман был закончен и сдан в печать накануне 9-го января 1905-го года. Этот роман выдержал несколько изданий, и вышел в огромном количестве экземпляров. Последнее его издание сделано в Ленинграде, в 1923-м году, Государственным Издательством. Три года назад он вышел на английском языке в издательстве «Дайл Пресс» в Нью Йорке. Мои сочинения печатало в России сначала К—во «Знание» Горького, а потом, когда закрылось «Знание», стало печатать К—во «Жизнь и Знание». В этом К—ве вышло 17 томов моих произведений, некоторые из них печатались по несколько раз. Да еще написана «Багровая книга» и издана в Нью Йорке «Горящая Тьма». Много рассказов переведено на другие языки. Я за этим плохо следил. Знаю только, что на финском была «Страна отцов», много рассказов на немецком, на чешском. Были и сборники,

но не знаю — где и когда издавались. Переведено и напечатано несколько моих рассказов в американских журналах: «Бессмертный Прохорыч» в «Our World», года четыре тому назад, да в прошлом году в «Golden Book» два рассказа: «Закон границы» и «Невидимый град», первый в Июле, второй в Сентябре. Эти рассказы, а так-же два романа, вышедшие на английском, переведены Ниной Николаевной Селивановой. Думаю, что в общей сложности написал я за свою жизнь более трехсот рассказов и несколько крупных повестей: «В глухом уезде», «Над Поемой», «Прозрак», «Враги» и др., не считая «Страны отцов» и «Страны детей».

В своих произведениях, отражая жизненный опыт, я много писал о духовенстве и за это меня «окрестили» бытописателем духовенства. Я думаю, что это не совсем точно. Никогда я не стремился изображать быт, но — человека и известных социальных условиях, человека данного общества, «пригвожденного» насильственно (законодательством и правами) к определенной «среде», как еврей к черте оседлости. Быт-же служил только рамкой и фоном. Случайно я знал лучше жизнь духовенства в России и изображал человека в «попах», как другие изображали человека в «купцах» или «рабочих». В современном обществе все носят маски каких-нибудь социальных категорий, человека-то под ними не всегда и разберешь, как под плитой могильной. Я рисовал смеющуюся и подчас пьяную маску человека-«попа», потому — что я слышал за нею крик души и в этот то крик я и пытался выкрикнуть, что бы отобразить его и сделать слышимым обществу. Ибо ведь это был крик и мой, да только я оказался сильнее «пригвожденных» братьев моих и, как «вольный казак» по натуре, во время вырвался. А другие погибали, спивались, бросались с колоколен или становились безобразниками и прощальными, каких много в любой среде, хотя бы и самой уважаемой. Ибо и во всякой среде, как и в поповской, люди одинаковы, душа одна, человек повсюду кричит о помощи, и из десяти девять погибают духовно в условиях несправедного, рабского, развращающего и подлого социального строя современности. «Страну отцов» и был для меня этот проклятый строй, созданный и охраняемый вечными «отцами». И я всегда верил, что только живая сила детей, этих вечных мучеников и революционеров Земли, преобразит этот строй, сбросит маски с истомленных лиц и освободит «человека». Уже и в то время я задумывал написать «Страну детей», но не пришло еще время.

На глазах моих начался исход из «Страны отцов».

Подлая и дикая война, истребившая миллионы детей, привела в России к революции 1917-го года.

Вслед за тем разразилась над миром Октябрьская Революция.

В вихре бурных событий, сотрясавших великую страну от края и до края, я все время находился в движении. В Москве при перевороте и во время голода, на фронте, в Харькове при немцах и Скоропадском, в Киеве и Ростове при Деникине, опять в Москве. В эти годы я уже не мог писать, нельзя было писать, можно было только «хватать» впечатления и заносить их в «дневники». Крушение векового строя, развал старого привычного быта, вся жизнь «сарны» на клочку... обстрелы городов, когда снаряды носились ударами над моею уединенной комнатой где-нибудь в Москве, в Киеве, в Ростове... дым пожаров... кровавые погромы... вывернутая наизнанку душа человеческая, больше не

скрывавшая своих язв, унаследованных от рабских веков... сброшенные маски... и выявление новых... трупы людей и животных, через которые равнодушно шагаешь... святые и зовущие слова, заглушаемые криками борьбы... страшный вопль души из глубины веков в глубину веков, — души, то обманутой, то фантастически-страстной... и ощущение голода — днями, месяцами, годами...

А тут тиф брюшной подобрался. В 20-м году.

После тифа трудно было оправиться, да и вообще погиб-бы, может быть, если-б не Калинин: узнавши о моей болезни, он прислал мне в Харьков продуктов и денег. Но все-же пришлось искать соответствующих условий жизни... и старая мечта ожила: уйти, уединиться, в горы куда-нибудь, в пустыню, что бы окинуть жизнь единым взглядом и отозваться на нее.

И вот — Сибирь. Случайно — Китай.

И вот мечта детских дней — Америка.

Но в Америку я приехал совсем больным, долгие годы почти не мог ходить, пока не забрали меня однажды, года два тому назад, в Филадельфию в госпиталь и не подправили. Диких мустангов и стад бизонов я еще не видал за все шесть лет пребывания тут, зато хорошо познакомился с самим Желтым Дьяволом и его приемными детьми. Не дешево стоило для моей души это знакомство, но зато оно дало мне богатый опыт. И вот здесь-то, в Америке, в своем больном невольном уединении, я пересмотрел все пережитое. Все мелкое отошло и осталось общее. Как с высокой горы или на ладони собственной руки увидал я жизнь мира и роль в ней России. И то, что совершилось в России, предстало передо мною как «видение». Правильно или неправильно это «видение» для других, — мне было безразлично: для меня оно было открывшейся внутри меня истиной. И я почувствовал, что пришло время принятых за «Страну детей». Я сознавал всю трудность описывать Великие События, положившие грань между старым и новым обществом-миром, в момент их совершения, когда всеми нитями души связан с ними. И потому я попытался только «понять», выделить «общее» и изображать насколько возможно «объективно».

Я написал «Страну детей» еще в 1924-м году.

И вот в 1928-м году роман вышел на английском языке в Нью-Йорке. Печать Америки и Англии дал о нем восторженные отзывы. Относительно них я только должен одно заметить: совершенно неправильно, что меня отождествляют с Гонибесовым. Ведь он все-таки для меня — «отец». Я-же могу быть только с «детьми»: Лизой и особенно — Левой. Но Лева, с его новой «поэтической» верой, еще весь впереди. В лице Гонибесова я лишь думал изобразить ту трансформацию, которую переживает в наш век «религия», прежде чем она совсем исчезнет через «Леву». Правда, в английском издании есть пропуски, которые эту идею немного затушевали. Она выявится в следующей книге: «Первородный Грех». На русском языке «Страна детей» еще не вышла. Почему? Да вот... почему. Не от желания или нежелания автора это, конечно, зависело, ибо какому-же автору не было-бы приятно видеть свою книгу напечатанной, а не лежащей под-спудом?

На очереди у меня большой роман, как-бы завершающий трилогию. Его пределы уже совпадают с гранями мира... Лиза и Лева Гонибесовы — герои в нем, Россия и Америка сплетаются братски.

«Русский голос», 17 марта 1929,
Нью-Йорк

Ког или забом. вклю при черз опы нной атить ючат Точ- т ко для или коло- тели. лаза, а до- час. елам. обед асов, то и И ес быть хо- дома, ЕДА- В. колай букай авт и ау чины в пе зна лет нуть иаль на льно

Разворошенный муравейник

Проституция, — пожалуй, самое мерзкое из того, что нам досталось в наследие от царизма. Это самый позорный, самый отвратительный и дикий способ эксплуатации человека человеком.

Проституция исчезнет с лица земли только тогда, когда будет сдан в арсенал истории, в музей древности последний капиталист.

У нас в Советском Союзе от капитализма остались лишь частицы, элементы, и эти самые элементы постепенно свертываются, уступая место социалистическим началам. Понятно, что и проституция свертывается также.

Все изложенное выше есть теоретическое отступление, толкование простых истин. В нем не было нужды, если бы практика не колебалась иногда эту, казалось бы, неопровержимую теорию. Если не всюду, то в Москве свертывание проституции безусловно отстаёт от свертывания родоначальных своих капиталистических элементов. Проституция в Москве все

во, однако, не должно беспокоиться, пройдет по крайней мере, еще 100 миллионов лет до тех пор, пока солнце потеряет такое количество «самого себя», что перестанет освещать и согревать землю.

го выключения тока. Помимо всех прочих удобств часы предотвращают излишнее расходование тока.

27 февраля исполнилось 60 лет со дня рождения Н. К. Крупской и 40 лет ее педагогической, общественной и культурно-просветительной деятельности.

Н. К. КРУПСКАЯ.

сылают в редакцию письма, где делятся своими «соображениями», высказывают свои авторитетные взгляды опытных практиков этого дела. Мы не имеем места, чтобы опубликовать полностью эти «резвые мысли». Печатаем выдержки.

Некто В. Иванов полагает, что «в СССР не должно быть вмешательства органов власти в личные отношения граждан. Нельзя наказывать потребителя».

Торговля женским телом, издевательство над ним и над личностью человека суть «личные отношения»? Иванов плохо знаком с природой советского государства и общественности, если полагает, что она может оставаться нейтральным зрителем таких «личных отношений».

Некто Шляков идет дальше. Под свои гаденькие размышления он подводит научно-биологический фундамент:

Мужчина одинокий, без женщины — разве он

рять письма В. И. Ленина, его переписку с Н. К. Крупской, фотографии и ряд других документов.

К юбилею намечается выпуск двух сборников, один из которых подготавливается к печати Институтом Ленина. Второй сборник выпускается группой педагогов и будет посвящен деятельности Н. К. Крупской в области народного просвещения.

ми, карликовыми деревьями и изображениями Будды. Поражают своими размерами тигровые кошки из Африки, настоящие хищники.

Можно наблюдать довольно занятые сценки. Некоторые поклонники кошачьей породы часами созерцают своих любимцев, и нередко вступают с ними в оживленные беседы.

дерево? Разве ему не требуется половой житейской потребности?»

В личности Шлякова мы безошибочно угадываем того самого потребителя проституции, по которым скучает тюремная решетка. Вот эти самые Шляковы и шляются, прикрываясь «научными теориями», по панелям Тверской и Петровки, по ночным бульварам, нагло при торговываясь к телу несчастных женщин. Он, видите ли, «не дерево». А женщина-то, чорт возьми дерево, что ли, чтобы ее покупать?

Еще один экземпляр из породы Шляковых — Евлампиев. Он размышляет так:

«Чем потребитель виноват? Ведь прежде всего, это есть естественная потребность. Быть может, кому не хватает — у него или жена больна, или еще что-нибудь. Иначе он не может, как только пойти, купить и удовлетворить свою потребность. Тогда он весел и бодр».

Евлампиев хочет быть белым и бодрым. Деньги пла

чены, не мешайте ему! Помешаем, Евлампиев! Ничего не сделаешь! У каждого своя манера веселиться, конечно. Но когда эта позорная манера нарушает человеческое и гражданское достоинство другого человека, мы твердо будем брать нарушителя за шиворот. Пусть бодрится в другом месте!

Еще одно предложение все того же Евлампиева, достойное внимания. Он против закрытия семейных бань. Он рекомендует оставить их как «убежище для тайной любви». Он предлагает ограничиться медицинским надзором. В конце своего письма он возмущенно восклицает: «Что это за свобода, когда каждый шаг твоей личной жизни ставится под обстрел!».

Договорился Евлампиев. До конца Похвальная открытость! Понимаем вас, Евлампиев. Вы, смею догадываться, просите открыть государственные дома терпимости и бережно охранять ва

И. Дубровский

девочку. При виде жандармов, публики, судей в красных мантиях девочка расплакалась. Ребенка увели в коридор. И пока шел допрос обвиняемой, из коридора неслись вопли маленькой Элен, умолявшей пустить ее к маме.

— У меня было трое детей, все слабые, болез-

от ярости, я выхватила револьвер, убила его наповал, выстрелила в Сюзанну Массон, но промахнулась....

Вводят свидетельницу Массон. Шестнадцатилетняя кокетливая девушка. Держится с большой самоуверенностью. Но председатель суда сурово замечает ей:

— Вы бы лучше занимались штопаньем чулок, чем флиртом. Как у вас хватило совести разбить семейную жизнь этой женщины и совратить ее мужа?

— Не знаю, мсье... Присяжные посоветовались минуту и вынесли г-же Легро оправдательный приговор. Жандарм ввел ребенка и передал его матери под аплодисменты публики.

СТРЕЛЬБА В ЗАЛЕ СУДА.

Маха-Кала — В нар суде слушалось дело наборщика национальной газеты Исрафилова по обвинению его в отказе развестись с женой. В целях борьбы с бытовыми преступлениями суд приговорил Исрафилова к году заключения. Как только был оглашен приговор, осужденный выхватил из кармана револьвер и открыл стрельбу. Ранены: судья Абакаров, милиционер, жена Исрафилова и теща. Милиционер вскоре скончался. Преступник задержан.

ЗАДАТЕЛЬНАЯ НАДПИСЬ В дан. ... пропущено / ... лист (один)		
09. 08. 90. 01. 01. 91.	09. 08. 90. 01. 01. 91.	09. 08. 90. 01. 01. 91.
ПОДПИСЬ: Арх. I кай. М. -		